

М.Л. Бережнова
Первые шаги на новой родине: новые модели
природопользования белорусских переселенцев в урмане

Ключевые слова: белорусы, переселения, Сибирь, хозяйство, природопользование.

Key words: Belorussians, migrations, Siberia, farm business, natural recourse use.

Приток белорусов в Сибирь в конце XIX – начале XX в. носил массовый характер. Это объясняется тем, что после отмены крепостного права крестьянские хозяйства Беларуси стремительно развивались. Уже к концу 1860-х гг. стала ощущаться нехватка пахотной земли, выпасов и покосов. В то же время плохо обработанные и истощенные крестьянские наделы давали низкие урожаи, и к началу XX в. подати и повинности отнимали у крестьян до 60% дохода. С 1880-х гг. сибирское направление в переселении из Белоруссии стало главным. Доля выходцев белорусских губерний в общем переселенческом потоке из европейской части страны в Сибирь в середине 1890-х гг. составила 10% [1, с. 65–89].

В Тобольской губернии одним из наиболее благоприятных мест для расселения был Тарский уезд с центром в старинном сибирском городе Таре. Еще в XVII в. вокруг него возникли первые русские поселения, здесь же жили и коренные обитатели этих мест – сибирские татары. Места были хорошо обустроенными – имелись дороги и церкви, по рекам Иртышу и Таре ходили пароходы, перевозившие грузы и пассажиров. К началу XX в. в селах появились лавки, почтовые отделения, масло- и химические заводы, школы и больницы. Так что желающих поселиться здесь – вокруг Тары, на левобережье Иртыша – было немало. Но вот разместить переселенцев там, где они бы хотели, было сложно: не хватало земли.

Основной миграционный поток из Белоруссии в Сибирь пришелся на время, когда удобных для заселения участков было уже мало. Земли теперь нарезали переселенцам в подтаежной и урманной местности. В 1900–1904 гг. уже больше 65% участков, готовых к заселению, приходились на тайгу. Из данных обследования 1903–1904 гг. выяснилось, что только 1% переселенцев, прибывших в Тобольскую губернию до 1897 г., отправлялись в таежную зону. А вот из тех, кто приехал в Сибирь в 1903 г., в тайге должны были обосноваться уже 67% [1, с. 79].

Сохранились списки сельских обществ и волостей, составленные в 1900–1901 гг. В них указан состав населения с делением на старожилов и переселенцев, о переселенцах сообщали, из какой губернии они прибыли. Белорусские переселенцы в 1901 г. жили в 17 поселках Тюкалинского уезда, но только в двух из них население было исключительно белорусским.

В Тарском уезде было учтено 308 старожильческих сел, деревень, выселков и заимок и 98 переселенческих поселений. Переселенцы из Белоруссии проживали в 33 населенных пунктах. В 3 деревнях и в 15 поселках обосновались только выходцы из Белоруссии. В Атирской волости Тарского уезда в начале XX в. белорусское население доминировало. Много переселенцев из Белоруссии было в Кейзесской волости Тарского уезда [2, с. 166–176]. Именно здесь открывались все новые переселенческие участки.

Дополняют эти сведения данные «Справочной книги Омской епархии». К 1914 г. в Тарском уезде было 19 населенных пунктов, основанных белорусами. Большая их часть располагалась в Атирской волости в приходах сел Атирка и Князевское и в приходе села Верхне-Баклянское Седельниковской волости [3, с. 842, 849, 853].

Белорусы надеялись получить в Сибири значительные наделы земли, исходя из нормы в 15 дес. на душу мужского пола, для развития прежде всего земледелия и животноводства. Многие стремились к ведению хуторского хозяйства. Однако из ряда источников известно, что привычные для белорусов модели хозяйства и природопользования в Сибири реализовать, особенно в первое время, не удалось.

Подчеркнем, что большая часть белорусов была расселена далеко в тайге. Расстояние от поселков было очень велико не только до уездного центра, но и до волостного. По сведениям отца Иоанна, расстояние от села Князевского до волости в Атирке равнялось 38 верстам, а переселенческие поселки находились на расстоянии от 4 до 45 верст от центра прихода, причем большая часть в стороне от дороги на Атирку [3, с. 849]. Однако плотность поселений в начале XX в. была относительно большой, что облегчало обустройство переселенцев в этих местах.

Из 104 названных в «Описании Омской епархии» поселений, в которых жили белорусские переселенцы, к середине 1950-х гг. сохранились только 94, а к нашим дням и это число сократилось. Лучше всего сохранялась память о белорусском происхождении у потомков переселенцев, живших в однонациональных белорусских поселениях в урмане, поэтому сейчас этнографы и фольклористы именно тут проводят исследования белорусской культуры. Имеются и отдельные сведения об этих местах, опубликованные раньше [4–5].

Белорусы прибывали по железной дороге в Омск. Дальнейший их путь лежал на север, в таежные районы – урман. До сих пор потомки переселенцев

рассказывают, что увидели их бабушки и дедушки, доехав до места, где им предстояло жить.

«От Омска везли их до города Тары рекой. А от Тары до Муромцево дорога была наезженная, вдоль нее стояли деревни и поселки, движение было немалое, – пересказывает внучка переселенца из Белоруссии Наталья Андреевна Сердюкова семейные предания. – Само Муромцево – село большое, торговое, с ярмаркой. Волостная управа там была, дома двухэтажные из лиственницы по центральной улице. И красиво очень: река – не большая, не маленькая, с виду тихая, берега песчаные... За рекой сосновый бор; строевой лес стеной стоит и в него дорога убегает. Вроде, бабушка говорила, все вздохнули с облегчением, в Таре бывалые люди пугали, что поселят так – наплачешься!»

Когда поехали дальше, то видно стало, что природа меняется. Пока от Омска Иртышем плыли, все вокруг плоско было как блин – степь, что возьмешь! А тут вдруг спуски, подъемы, холмы какие-то. Красиво – это так, но стали, вроде бы, мужики задумываться: лес стеной стоит, речки маленькие, а текут меж холмами как в расщелине. Пока поднимешься-спустишься – умаешься. Хорошо ли для хозяйства?

Еще и дорога начала портиться: вся в грязи по колено, через ручьи мостки в две дощечки, подъезжаешь – скользко, коня под уздцы, только так и перейдешь! И деревень – ни одной! От нас до Муромцево и сегодня пешком не пойдешь, это ж 50 километров, но сейчас хоть дороги есть, кое-где деревни стоят, а тогда? По всей этой округе была только одна деревня – Инцисс, татары там жили...

Мой дед еще землемера вспоминал недобрый словом – место нарезал такое, что воды нет, пасты скот негде, деревню поставить и то негде! Ближайшее жильё в 25 километрах – село Нагорное это сейчас, Инцисс немногим ближе. Так татар не знал никто и очень их боялись... Бабушка моя рассказывала, что она ходила в Нагорное хлеб печь, у них еще ни одной печи не было. Брала с собой муку, а квашенку ей там давали. Останавливалась все время в одной семье, хорошие были люди. Хлеб напечет и домой несет.

Потом стали внимание обращать, что овец, которых уже развели, все в одно место тянет. А считается, что овца воду чувствует. Вот туда и переселились приехавшие. Было сначала всех поселенцев – семья Барчевских да еще, вроде бы, Ковалевы, Соловьевы и Храменки... Вот они и поселились на берегу речки Инциски. Поселок стал называться Поречье, по-над рекой то есть. Построили его на мысу. Пока людей было немного, было удобно: мыс изгородью перегородили, скот там же пасли, жильё стояло. Когда в Поречье и другие семьи приехали, с поселка пришлось уйти, там места совсем мало» [6, л. 15об.–23].

Сохранились описания тех мест, куда заселяли переселенцев из Белоруссии, и в литературе. Вот, например, что писал священник Князевского прихода в 1914 г.: «Село Князевское Атирской волости Тарскаго уезда Тобольской губернии, от епархиального города (Омска. – М.Б.) – в 350 верстах, от уездного города

(Тары. – М.Б.) – в 81 версте; от волостного правления – в 3 верстах. Населения в приходе числится мужского пола 785 и женского пола 755 в селе и 14 поселках. Два поселка – Чурталинский и Хрящевский – находятся за рекой Туй, где нет ни моста и никакой переправы.

Поселок Князевский назван так в память бывшего Тобольского губернатора г. Князева, который в одну из своих последних поездок по губернии, в целях обозрения тарских урманов и заселения более удобных мест переселенцами, из города Тары проехал село Атирское и дальше. Поселок Князевский в то время состоял из нескольких жалких лачужек, обитателями коих были зыряне, лет 35 тому назад пришедшие из Вологодской губернии и поселившиеся в этой необитаемой и дикой местности в видах урманных промыслов. Губернатор доехал и до них. Полудикие и никогда никого здесь не видевшие зыряне были крайне удивлены приездом г-на начальника губернии: они с детским восторгом приветствовали его и стали просить его назвать их селение (доселе не имевшее постоянного имени) в память о нем по его имени, вернее – по его фамилии.

Село Князевское расположено при реке Чангалы, которая берет свое начало в урманских болотах и впадает в реку Тару. Климат болотистый и крайне нездоровый. Одна эпидемия сменяется другой. Главным образом здесь свирепствует брюшной и сыпной тиф и лихорадка в различных ее формах. Местность богата флорой. Здесь есть все, чем богата Сибирь: сосна, ель, липа, кедр, береза, осина и пр. Не менее богата и здешняя фауна: куропатка, тетерев, глухарь, белка, лисица, соболя, медведь и лось.

Народонаселение прихода Князевского разнообразно. Кроме первых поселенцев – зыряне, здесь сели переселенцы из 18–20 разных губерний, а главным образом – из губерний Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской, Минской и других. Хлебопашество и скотоводство – ограниченное. Пожалуй, больше занимаются в этой местности звероловством, проведением дорог, сбором кедрового ореха, ягод и т.п.» [3, с. 849–850].

Косвенным признаком того, как «удобно» расположились в специально построенном для них поселке переселенцы, может быть и такой факт: «Церковь [с. Князевского] построена в 1909 году на средства фонда имени Императора Александра III-го и старанием прихожан; зданием деревянная, на каменном фундаменте, с таковою же, в одной связи, колокольнею. Церковь эта, по причине недобросовестного исполнения работ, комиссией не принята. Дома для священника и псаломщика деревянные. Построены одновременно с церковью, но по тем же причинам, по которым и церковь, дома эти комиссией не приняты» [3, с. 849].

От этого же времени сохранилось описание и другого переселенческого поселка – Атирки, основное население которого тоже составляли белорусы. «Главным занятием населения является сбыт лесных материалов в обработанном и сыром виде, охота на птицу и пушных

зверей, сбор и сбыт ягод и кедровых орехов. Значительный заработок население имеет от исправления летом дорог...» Кроме того, в селе действовали химические заводы, на которых работали многие местные жители: «В приходе имеется четыре химических завода, принадлежащих Переселенческому управлению. В трех из них производится выгонка из дерева смолы и скипидара, а в четвертом – самом большом, вырабатываются: паровой деготь, древесный спирт, уксусная эссенция и голландская сажа. Скопление рабочих и служащих на этих заводах является причиной высокого подъема цен в селе Атирка на жизненные продукты». Известно, что в селе был разрешен губернским начальством базар, но на нем купить было ничего нельзя, кроме излюбленного продукта переселенцев – свинины. В селе работали четыре молочные лавки, удовлетворяющие, по словам священника, «потребности 50 окрестных деревень», по одной казенной винной и пивной. Чтобы население поменьше бывало в пивных, Тарское общество трезвости на свои деньги открыло в селе чайную [3, с. 841–843].

Однако крестьяне ехали в Сибирь за землей, мечтали стать богатыми хозяевами. Все вышло не так! Священник Атирского прихода писал: «Хлебопашество по неплодородности земли и трудной ее разработке ведется в очень малом размере. Среднего достатка крестьянин высевает ржи от 5 до 40 пудов и столько же овса. Пшеницы сеют очень мало. Урожай бывает сам 4, сам 5. Овцеводство не удовлетворяет нуждам своего хозяйства. Молочное хозяйство вовсе не развито. Были неудачные попытки к разведению пчел. Реки и озера в приходе не рыболовны. Рыболовством занимаются лишь для развлечения» [3, с. 843].

За несколько лет до того, как это было написано об Атирке, летом 1907 г. по урману путешествовал член партии кадетов А. Букейханов, который написал статью «Переселенцы в тарских урманах (Из записной книжки статистика)» [4–5]. Всего он посетил 27 переселенческих поселков Атирской и Седельниковской волостей Тарского уезда Тобольской губернии. Эти поселки планировались Переселенческим управлением под заселение, а главная подготовка была в том, чтобы выделить удобные для сельскохозяйственного использования участки, или, по терминологии того времени, «нарезать душевые доли». Далее автор указал общую площадь, на которой расположены эти поселки – 500000 десятин, или, если перевести в современные единицы измерения, более 500 тыс. га. На этой площади было нарезано 1565 душевых долей. Из них, по материалам Букейханова, было занято только 60%. Ежегодно переселенцы заселяли около 6% готовых долей. А медленнее всего заселялась Атирская волость – одна из самых удаленных, с плохими дорогами [4, с. 2].

Букейханов отмечал: «Урманские крестьяне относятся с поразительным равнодушием к общим интересам, например, к исправности дорог, по которым они вынуждены ездить ежедневно. Летом обгорели все мосты (пять или шесть) между Атиркою и Имшигалом (соседний поселок в 25 верстах. – М.Б.). Настилка, освободившись

от крайних креплений, образовала род конька крыши. Объехать мосты нельзя: с обеих сторон дорогу теснит стена леса. Проезд по мостам совершается таким образом: если едут на паре, то отпрягают пристяжку и привязывают ее к экипажу, – ямщик берет коренника под уздцы и старается провести по горбу мостового “конька”, напоминая хождения по канату. Само собой разумеется, что пассажир помогает ямщику, подгоняя пристяжку или поддерживая телегу. Дорога эта обслуживает целый ряд поселков. В двух верстах от поселка Егоровского по дороге в поселок Вилейский ветром повалило поперек дороги березу в четверть аршина в комле. Жители обоих поселков целое лето объезжали эту березу, – и мы, наехав на нее в темную ночь, едва выбрались с места через полчаса. На мой вопрос земскому ямщику, почему он не спилит эту березу и не выбросит с дороги, он не допускающим возражения тоном заметил, что это дело начальства, которое строит дороги» [5, с. 8].

Дороги, действительно, в этих местах были плохими. Однако священник, живший в Атирке, значительно лучше заезжего гостя разобрался в причинах крестьянского «равнодушия к общим интересам». Если за ремонт дорог можно получить деньги, то зачем же делать это бесплатно? Можно предположить, что власти, которые то ли не имели денег, то ли не торопились оплачивать ремонт, перехитрили сами себя. «Небольшой участок дороги в поселок Верхний Турунгас совершенно непроезжий, – продолжает Букейханов. – В этом поселке, по моей переписи, по 11 августа 1907 года занято всего 20 душевых долей, а по официальным данным по конец прошлого же года было занято 66 душевых долей» [5, с. 9]. Крестьяне грозились уйти из поселка совсем, если им не починят дорогу. Видимо, проблема дорог была настолько существенной, что упоминается всеми, кто описывал жизнь переселенцев на новом месте: статистиками, священниками, сохраняется в народной памяти из поколения в поколение.

Но все же странно: крестьяне, ехавшие за землей, готовы бросить ее в любой момент. Неужели с такими неразрешимыми задачами столкнулись опытные земледельцы? Ответ – да!

Во-первых, отведенные переселенцам душевые наделы были покрыты вековой тайгой. Букейханов пишет: «Рациональная борьба с лесом в урмане – главная задача устройства переселенцев здесь». И добавляет, что за 10 лет освоения урманя переселенцами расчищено менее десятой части их надела, за год – менее 1% надела. По подсчетам этого автора, «в буквальном смысле слова потребуются вековая борьба, чтобы очистить от леса весь надел» [4, с. 4].

Участки расчищали разными способами. «Лес попросту сжигают, при этом нисколько не заботятся о приостановке пожара, так что летом тарский урман горит ежедневно в разных местах. Никто этот пожар не тушит, прекращается он сам собою по какой-либо случайной причине». Поселенцы посостоятельнее нанимали крестьян-старожилов. За 30 руб. те брались вырубить, разрубить, сложить в кучу, сжечь и выкорчевать все пни с половины десятины смешанного леса – березы и осины в возрасте

50 и более лет. Старожилы из поселка Имшигальском расчищали земли другим способом, нежели поселенцы: они «чертили лес». Этот способ состоит в том, что в июне, когда береза в соку, ее кругом затесывали до древесины, перерубая кору и заболонь. Счерченный лес уже на следующее лето превращался в мертвые столбы, свободно пропускал лучи солнца и «осветлял» почву. В этом мертвом лесу уже можно было косить сено. Счерченный березовый лес на корню гнил 5 лет. Счерченная осина стояла 7 лет. Один рабочий мог в день счертить четверть десятины в густом березовом лесу, где на десятине более тысячи крупных деревьев. Одну десятину счерченного леса два человека могли расчистить от леса и от пней в 30 дней. Это относительно недорого, если сравнить с другими ценами, приведенными Букейхановым в статье. Но, повторим, этот способ требует длительного ожидания: от пяти до семи лет.

Можно было очистить надел и быстрее, но значительно дороже. Если в наделе преобладали лиственница и сосна, то за полную расчистку десятины просили уже от 70 до 80 руб. Бывали случаи, когда поселенцы сжигали лес, но руки не доходили до запашки освобожденной от деревьев земли. Так было в поселке Рождественском. Здесь на месте сгоревшего хвойного леса вырос березняк, а в нем сохранились отдельные ели и кедры. Расчистка десятины, по подсчетам крестьян, требовала 60 рабочих дней, а за день работы просили не менее 50 коп. При проведении дороги от поселка Петровского в поселок Усть-Куренга расчистка одной версты дороги шириной в 6 сажень в березовом лесу стоила 60 руб. Такая же дорога в красном лесу стоила на 10–20 руб. дороже. При таких ценах расчистка наделов становилась действительно неразрешимой проблемой.

Во вновь открываемых приходах священнослужителям была положена оплата от казны, которая по сравнению с другими местами Омской епархии была выше почти в 2 раза. Местный священник в год получал 600 руб., псаломщик – 200 руб. [3, с. 842]. Даже их жалованья не намного бы хватило, если учесть, что на душу мужского пола приходилось 15 десятин земли.

Кроме этой задачи – расчистить надел, были и другие, такие же сложные. Букейханов пишет, что среди «посевов» первое место занимал картофель (39%), второе место – рожь (21%), третье место – овес (16%). Пшеницы высевали мало – не больше десятой части от всего посева. А вот какое объяснение этому факту приводится: «Урманские поселенцы питаются главным образом рожью и картофелем. Он редко страдает от августовских заморозков и дает хорошие урожаи. Овес необходим для скота, так как в наделах переселенцев нет покосов, а качество сена – плохое. Пшеницу сеют только в первые годы, пока не убеждаются в том, что она не родится в урманы. Горох, лен, гречиха, клевер, конопля и просо все вместе составляют 4,5% всего посева. Гречиху и просо сеют в первые годы по старой привычке и потом, убедившись горьким опытом, что они не родятся в урманы, бросают» [4, с. 4].

Не лучше были дела и с содержанием скота. В среднем на двор у жителей урмана, по данным Букейханова, приходилось 14 рабочих лошадей, 18 дойных коров, 20 свиней и по небольшой отаре овец голов в 30. Но проблема заключалась в том, что у крестьян не было выпасов. «В урманы скот не пасут, он свободно ходит по лесу. К счастью крестьян, в урманы нет волков, медведь редок и режет скот только в глухих местах по реке Ую. Гулевой скот по нескольку дней не приходит домой, и это хозяев нисколько не заботит. Несмотря на эту свободу пастбы, скот у урманских крестьян тощий, так как корм однообразный, малопитательный, так как скот страдает от недостатка соли. В поселке Егоровском, где переселенческая лесная контора имеет порошковый завод, когда деревенский скот узнал, что выпаривается соль, то целыми днями осаждал жаровни, многократно делая нападения, и одна овца, прорвавшаяся через охрану рабочих, обварила себе рот, сунувшись в кипящий раствор», – так описывал проблемы крестьян Букейханов [4, с. 6–8].

Вторит ему священник из села Унара, который писал, что «коровы в летнее время по нескольку дней, иногда недель, загуливают в урманы, оставляя своих хозяев без молока, а пастухов для скота не имеется» [3, с. 845]. Те крестьяне, что жили не в поселках, а по хуторам, страдали от отсутствия выпасов еще сильнее. Они вынуждены были караулить свой скот, чтобы он не потравил участка соседа. Скота было не так много, чтобы нанимать пастуха, а следить за ним у хуторян не всегда была возможность. «Часто скот загоняют во двор, запирают там среди бела дня без корма», – вот так, по Букейханову, и решалась проблема [4, с. 8].

Скот нужен был в хозяйствах поселенцев еще и потому, что местные земли, как оказалось, быстро выпахиваются. Священник прихода села Нагорного писал, что «земля дает три или четыре хороших урожая и затем уже требует искусственного удобрения навозом. Удобренная земля снова дает хорошие плоды» [3, с. 841]. В урманы начали сеять травы, решая кормовую проблему.

Ясно, что крестьянам в тайге было трудно жить: земли мало, выпасов нет, реки не рыболовны, а заработок один – на «химическом заводе». Ведь не для того в такую даль ехали, чтобы остаться без земли и хозяйства. Поселенцы начали разбегаться. Власти долгое время делали вид, что не видят этого. Тот же Букейханов сравнивает официальные данные 1903 г. и свои наблюдения 1907 г. В поселке Степановский нарезано 64 доли. По официальной статистике занята 61 доля, а по его наблюдениям – 33. В поселке Петровский из 127 долей занята 65, а по данным властей – 103. В поселке Ивановском к 1907 г. жили всего 12 семей. Здесь не только дорога на Тару была дурна, но и колодцы, вырытые в «мокрые годы», пересохли. Тем не менее по официальной статистике на конец 1907 г. в поселке оказались занятыми 113 душевых долей [4, с. 2; 5, с. 9].

Крестьяне «голосовали ногами». Уходящие из поселка Петровский крестьяне продавали десятину

очищенного леса за 1 руб., дом со службами – за 15–25 руб. Букейханов так прокомментировал эти факты: «Почва в этом участке дает прекрасный кирпич и плохо родит хлеб» [5, с. 10].

Но не все были готовы бросить свои многолетние труды и уйти. Поэтому крестьяне из поселков Гриневичи, Турунгас и Боровской выбрали еще такой путь сопротивления властям – отказались платить подати. Букейханов пишет: «Старик Б., бывший солдатом на турецкой войне, – отец четырех сыновей, из которых двое отбыли солдатскую службу, двое служат ныне, – считает высшею несправедливостью то, что берут солдат и заставляют платить подати. Этот вольгтерьянец тарского урмана уверен в том, что никто в урмане не платит подати. “Знаю, говорит, книгу, где написано про пособие и о хороших землях, а нас посадили в урман. Это делают министры и чиновники, царь ничего не знает об этом; если б он знал, где мы живем, то не стал бы требовать ни солдат, ни подати”» [5, с. 11].

Однако обратное движение выходцев из Белоруссии не превышало уровня обратничества переселенцев из других европейских губерний России. В отзывах переселенцев, собранных при регистрации в Челябинске, среди главных причин возвращения домой названы неподходящие для ведения хозяйства природные условия, которые у выходцев из Белоруссии, тяготевших к лесистой местности, встречались довольно часто. Большую роль в обратничестве играла плохая осведомленность, отсутствие необходимых средств и разрешения на переселение, когда желавшие переселиться отправлялись в Сибирь самовольно и лишались правительственной помощи [1, с. 78].

Процессы переселения и закрепления населения слабо контролировались в годы Первой мировой войны и революции, так что в документах 1914–1921 гг. сохранилось немного сведений о том, что происходило в урмане в этот период. Когда в начале 1920-х гг. представители советской власти вернулись к контролю за переселениями, то оказалось, что многие переселенцы

остались там, где такими трудами поднимали свои хозяйства. Правда, численность переселенческих поселков росла медленно и оставалась относительно небольшой. С течением времени, привыкнув к местным условиям, белорусы стали переселяться на хутора. По переписи 1926 г., только в Тарском уезде насчитывалось 165 хуторов, основанных белорусскими переселенцами в 1910–1913 гг. 151 хутор находился в таежных волостях правобережья Иртыша [7, с. 24, 44–58].

Отдаленность от районных центров, большие расстояния между поселениями и незначительная их численность привели к исчезновению почти всех таежных поселков еще в 1950–1970-е гг. Местные жители переезжали не только в рядом расположенные села, но и в другие районы к родственникам и детям. В более удобных для проживания местах Омской области, таких как село Поречье и деревня Алексеевка Муромцевского района, село Нагорно-Ивановское Тарского района, деревня Соловьевка Седельниковского района, белорусское население сохранялось дольше. Но все эти поселения выросли из переселенческих поселков рубежа XIX–XX вв., они также расположены в отдалении от районных центров, к ним ведут только местные, не очень хорошие дороги. Поэтому и здесь довольно велика миграция населения, число жителей в этих населенных пунктах начиная с 1990-х гг. резко сократилось.

Собранные материалы показывают, что условием успешной адаптации хозяйства в сибирских условиях для белорусов стало изменение модели природопользования: увеличение доли охоты и собирательства в общей структуре хозяйства, отказ от выпаса скота или, в ряде случаев, переход к гулевому выпасу, выращивание кормовых трав, изменение структуры посевов за счет увеличения доли морозоустойчивых культур. Активное участие в оплачиваемых работах по найму (строительство и ремонт дорог, выведение леса, работа на химических заводах) давало возможность накопления денег, необходимых для укрепления хозяйств.

Библиографический список

1. Бочанова, Г.А. Выходцы из Белоруссии в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: вопросы миграции и расселения / Г.А. Бочанова // Белорусы в Сибири / В.А. Ламин, Н.С. Сташкевич, Д.Я. Резун и др.; отв. ред. В.А. Ламин, Н.С. Сташкевич. – Новосибирск, 2000.
2. Бережнова, М.Л. Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области / Л.М. Бережнова // История и культура Сибири : сб. науч. тр., посвященный 15-летию Омского филиала Объединенного института истории, филологии и филологии СО РАН / отв. ред. Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск, 2007.
3. Голошубин, И. Справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. – Омск, 1914.
4. Букейханов, А. Переселенцы в тарских урманах (Из записной книжки статистика) / А. Букейханов // Сиб. вопросы. – 1908. – № 11.
5. Букейханов, А. Переселенцы в тарских урманах (Из записной книжки статистика) / А. Букейханов // Сиб. вопросы. – 1908. – № 12.
6. Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета 2006 г. Полевая опись №1.
7. Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири / стат. отд. Сиб. краев. исполн. ком. – Новосибирск, 1928.